

П. Заведеев

**История русского
проповедничества**

**от XVII века до настоящего
времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
3-13

3-13 **Заведеев П.**
История русского проповедничества: от XVII века до настоящего времени / П.
Заведеев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-4241-5763-9

ISBN 978-5-4241-5763-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСТОРИЯ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА ОТЪ XVII ВѢКА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Эпоха вліянія южно-русскаго проповѣд- ничества на сѣверно-русское.

Стремленіе къ просвѣщенію на сѣверѣ Россіи; потребность въ книгахъ и образованныхъ людяхъ. Переходъ югозападной образованности въ Москву вмѣстѣ съ проповѣдничествомъ. Представители юго-западнаго схоластическаго проповѣдничества на сѣверѣ Россіи.

Въ половинѣ XVII вѣка, въ Москвѣ, особенно въ высшихъ слояхъ общества, замѣтно стало обнаруживаться стремленіе къ просвѣщенію, которому уже не могли удовлетворить туземные грамотники. На зовъ этого стремленія переходили съ юга въ Москву равныя книги, пріѣзжали ученые люди, которымъ поручалось устройство училищъ, переводъ и печатаніе книгъ. Въ числѣ первыхъ книгъ, перешедшихъ въ Москву еще въ началѣ XVII в. были: „Учительное Евангеліе Кирилла Транквилиона и Катихизисъ Лаврентія Зизанія. Первымъ вызовомъ ученыхъ изъ Кіева былъ вызовъ, сдѣланный Алексѣемъ Михайловичемъ, по желанію боярина Ртищева въ 1649 г. для заведеннаго имъ училища въ андреевскомъ монастырѣ. Прибывшіе по этому вызову иноки составили ученое братство, которое трудилось не только въ училищѣ, но и при исправленіи богослужебныхъ книгъ, а также переводѣ и печатаніи отеческихъ сочиненій. Съ этого времени кіевскіе ученые составляютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, оводо котораго преимущественно сосредоточивается образованіе и литературная дѣятельность. Вмѣстѣ съ другими явленіями науки и образованности перешла въ Москву изъ юго-западной Россіи и проповѣдь. Собственной проповѣди въ Москвѣ давно уже не было. При совершенномъ упадкѣ просвѣщенія въ духовенствѣ, не только не было людей способныхъ учить народъ живымъ словомъ, но даже образовалось въ XVII в. странное мнѣніе, что проповѣдь ведетъ къ ереси. Когда одинъ священникъ города Орла пермской губерніи вздумалъ говорить проповѣди сво-

его сочиненія, то встрѣтилъ сильное противодѣйствіе во многихъ изъ своей дѣлѣ, которые говорили, „что онъ вводитъ новостъ, что-то странное, чего прежде не было“.

Вмѣсто проповѣдей, читались въ церквахъ избранныя слова изъ отцевъ церкви. Съ приходомъ съ Москву юго-западныхъ ученыхъ, явилась самостоятельная проповѣдь, которая вначалѣ малымъ чѣмъ отличалась отъ проповѣдей схоластическихъ; но впослѣдствіи времени, подѣ влияніемъ практическаго русскаго духа и разныхъ обстоятельствъ жизни русскаго общества и государства, она приняла болѣе практическое направленіе и сдѣлалась руководящею русскаго общества. Представителями южно-русскаго направленія въ проповѣди XVII вѣка были въ сѣверной Россіи: Епифаній Славинецкій; менѣе его слѣдовалъ приемамъ юго-западной проповѣди Симеонъ Полоцкій и еще менѣе — одинъ Орловскій священникъ, неизвѣстный (по имени, который, сознавъ непригодность южно-русскихъ проповѣдей, какъ образцовъ для проповѣди невѣжественному народу, много и усердно трудился надъ измѣненіемъ приемовъ, рекомендуемыхъ этими проповѣдями. Св. Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій внесли также много жизненнаго элемента въ свои проповѣди; но, какъ получившіе образованіе въ юго-западныхъ и заграничныхъ польскихъ школахъ, они не могли совершенно отрѣшиться отъ преданій южно-русской гомилетики и часто пользовались въ своихъ проповѣдяхъ тѣми приемами, которые она рекомендовала. Новый совершенно практическій характеръ получаетъ проповѣдь съ Теофана Прокоповича, начавшаго свою просвѣщенную дѣятельность при Петрѣ Великомъ.

Епифаній Славинецкій.

Его образованіе; вызовъ въ Москву. Литературныя работы; дѣятельность проповѣдническая. Слова къ священникамъ и монахамъ, — противъ раскольниковъ и о милосердіи. Вишняя сторона проповѣдей Славинецкаго.

Въ числѣ мужей, вызванныхъ съ юга Россіи просвѣщать сѣверное царство выдается своимъ значеніемъ, ученостію и трудолюбіемъ Епифаній Славинецкій. Получивъ образованіе въ кіево-могилянскои коллегіи, онъ ѣздилъ учиться за границу и, по возвращеніи оттуда, сдѣланъ былъ учителемъ въ

киевскомъ братскомъ училищѣ. Отсюда, вмѣстѣ съ другими учеными монахами, онъ вызванъ былъ въ 1649 г. въ Москву и для обученія русскаго народа свободнымъ наукамъ и для перевода греческихъ книгъ. По прибытіи въ Москву, Епифаній сдѣлался начальникомъ патриаршаго училища въ Чудовомъ монастырѣ и главнымъ справщикомъ книгъ. Трудился онъ въ Москвѣ для образованія общества около 26 лѣтъ.

Литературная дѣятельность Епифанія была обширна, разнообразна и плодотворна: онъ занимался переводомъ отеческихъ греческихъ книгъ и исправленіемъ книгъ богослужебныхъ; кромѣ того онъ выпросилъ себѣ позволеніе исправить славянскій текстъ Библіи и хотѣлъ знакомить русское общество своими переводами съ разными сочиненіями по части свѣтской науки. Самостоятельное авторство Епифанія было дополненіемъ къ этой работѣ и обнаруживалось въ составленіи разныхъ теоретико — богословскихъ трактатовъ, историческихъ сочиненій и даже церковныхъ службъ. Епифаній былъ человекъ науки, а не жизни. Между тѣмъ патриархъ Никонъ сдѣлалъ его официальнымъ проповѣдникомъ въ соборахъ, согласно существовавшему тогда обычаю на югѣ Россіи, и Епифаній долженъ былъ взять на себя эту обязанность, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ сочувствовалъ ей.

Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произношенія съ кафедръ, а какъ образцы для общаго употребленія и руководства: таковы напр. три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. Слова эти признаются лучшими за ихъ сравнительно болѣе практическое направленіе.

На проповѣдяхъ Славинецкаго вполне отразился его личный характеръ. Какъ самъ онъ былъ не практическимъ дѣятелемъ, а ученымъ, въ тиши монашеской кельи занимавшимся переводомъ и исправленіемъ книгъ, такъ и его проповѣди имѣютъ не практическій, а созерцательный характеръ, исключая словъ упомянутыхъ выше, которыя были написаны не для прознесенія съ церковной кафедръ и въ которыхъ представлялся Славинецкому случай говорить о тѣхъ занятіяхъ, которымъ онъ былъ преданъ.

Слова общеназидательныя, произнесенныя съ церковной кафедрѣ, содержатъ въ себѣ объясненія догматовъ православной вѣры, правилъ христіанской нравственности, раскрытіе разныхъ текстовъ Библіи и похвалу въ честь святыхъ. На первомъ планѣ во всѣхъ проповѣдяхъ этого рода стояла истина, а потомъ народъ, которому онъ говорилъ; и въ народъ этомъ обращали на себя вниманіе проповѣдника потребности общехристіанскія, а не временныя нужды. Поэтому, на основаніи словъ Епифанія, нельзя составить характеристики времени и мѣста, въ которомъ онъ обращался при своей жизни. Почти всѣ его слова можно было произносить въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Общій предметъ теоретической мысли или признанное всеміи правило христіанской нравственности, -- вотъ общая тема проповѣдей Епифанія. Въ словахъ историческихъ и похвальныхъ проповѣдникъ рисуетъ въ общихъ чертахъ добродѣтели и славу похваляемыхъ лицъ. Нравственныя приложенія къ слушателямъ у Епифанія есть почти въ каждой проповѣди, но эти приложенія, за не многими исключеніями, характера общаго. Въ заключеніи слова на „страсть Христову“ проповѣдникъ говоритъ: „раздеремъ жестоке сердець нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетасму... и злосмрадныя душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхныхъ, отвержимъ страсти, а отъ смерти грѣховныя освободимся, и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителемъ смерти побѣдоноснымъ, Ему же слава“. Въ заключеніи слова, сказаннаго при освященіи храма изъ текста: „быша же обновленія въ Иерусалимѣ, и зима бѣ“ — Славинецкій говоритъ: „обновленіе сего храма празднующе, аще хоцѣмъ новыя благодати Божія виномъ души наши напоити, не будемъ мѣхи ветхія, извержимъ изъ сердець нашихъ смертоносную грѣхопаденій ветхость, облечемъся въ новыя правды ризы, не прилагаймъ къ тѣмъ ветхаго неправды прилога, обновимся обновленіемъ добродѣтельныхъ жизни, отложимъ ветхаго чловѣка, тлѣемаго по похотямъ лести, облечемъся въ новаго чловѣка, по Богу созданнаго, въ правдѣ преподобіи и истины, будемъ новыи мѣхи, да новымъ благодати Божія виномъ напоимъ души наша“...

Другой элементъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго составляютъ таинственныя и символическія толкованія. Склон-

ный къ отысканію во всемъ таинственнаго или преобразовательнаго смысла, Епифаній является тонкимъ совопросникомъ. Явленіямъ природы, событіямъ исторіи и тексту Библии онъ даетъ вездѣ духовный, символическій высшій смыслъ. Символическія толкованія Епифанія часто занимательны и интересны и могутъ возбуждать человѣка къ благочестивымъ размышленіямъ, но никогда не имѣютъ въ виду никакихъ практическихъ примѣненій къ жизни христіанской. Въ словѣ изъ текста: „благословиши вѣнецъ благости твоя“ проповѣдникъ предлагаетъ вопросъ: „что есть вѣнецъ благословенный?“ и отвѣчаетъ: „благословенный и многоцѣнными одушевленными камнями удобренный Христа нашего вѣнецъ есть единая святая коволическая церковь, якоже Григорій Нисскій учительствуетъ“. Другая проповѣдь представляетъ Христову церковь въ лицѣ „благообразной Рахили, которая пасла овецъ отца своего Лавана и украла его идоловъ“.

При такомъ направленіи мысли Епифанія, его проповѣдь удовлетворяетъ больше пытливости христіанской, чѣмъ нравственной назидательности. Не рѣдко говоритъ проповѣдникъ въ своихъ поученіяхъ противъ такихъ лжеучителей, которые существовали во времена давно прошедшія и которые не смущали ни его совѣсти, ни совѣсти его слушателей. Онъ упоминаетъ о гностикахъ, манихеяхъ новатіанахъ и т. п. Въ такихъ проповѣдяхъ было больше интереса ученаго, историческаго, чѣмъ живаго назидательнаго.

Южно-русская проповѣдь часто для разъясненія извѣстныхъ священныхъ истинъ дѣлала указанія на лица и событія языческой исторіи. Въ словахъ Епифанія Славинедскаго постоянно встрѣчаются указанія на событія и лица языческой исторіи, изреченія мудрецовъ неизвѣстныхъ христіанству. Разительные факты изъ языческой и гражданской исторіи могутъ быть приводимы съ пользою въ церковномъ словѣ, если они нужны для болѣе нагляднаго подтвержденія какойнибудь истины; но если проповѣдникъ безъ нужды прибѣгаетъ къ истинамъ, не слышнымъ въ церкви, изъ желанія щегольнуть своею ученостію, то онъ можетъ повредить только впечатлѣнію. Для людей незнакомыхъ съ свѣтскою мудростію гораздо понятнѣе слова св. апостоловъ и отцовъ, чѣмъ мудрецовъ языческихъ. Между тѣмъ Епифаній на равнѣ—съ писаніями, принятыми и уважаемыми цер-

ковію, цитуеть, напр. Одиссею. Въ словѣ о постѣ выставляется мнѣніе Эпиктета, который говорилъ, что весь кругъ земной опустошаютъ двѣ тягчайшія злобы нетерпѣніе и невоздержаніе, и потому положили двѣ главныя заповѣди для человѣка: „терпи и воздержись: Онъ приводитъ свидѣтельства изъ Плутарха и другихъ языческихъ историковъ и философовъ, напр. Демокрита. Въ одномъ словѣ, убѣждая христіанъ заботиться о созиданіи и благолѣпнн храмовъ, онъ описываетъ храмъ, воздвигнутый въ Ефесѣ Артемидѣ и прихрамовъ идолослужителей хочетъ пробудить христіанъ къ этому дѣлу.

Несравненно большій интересъ имѣють тѣ слова Епифанія Славинецкаго, которыя написаны были имъ по нуждамъ своего времени, но которыя по самому назначенію своему не могли всѣ произноситься съ церковной кафедрѣ. Таковы три слова въ священникамъ, одно къ монахамъ, одно противъ раскольниковъ и три слова о милосердіи. Эти проповѣди чужды отвлеченнаго характера и полны жизни. Три слова Епифанія къ священникамъ раскрываютъ ихъ пастырскія обязанности. При патріархѣ Никонѣ невѣжественный, до неразумія привязанный къ богослужебному обряду и въ книжной церковной буквѣ раскольническій духъ весьма сильно волновалъ русскій народъ и возобладалъ надъ многими малограмотными священниками, которые не хотѣли повиноваться разумно-дѣйствующей высшей церковной власти. Вотъ почему Славинецкій въ первомъ и третьемъ словѣ къ священникамъ съ новымъ рвеніемъ учить ихъ благопокорливости и благопослужливости въ отношеніи къ архіереямъ богоизбраннымъ, бдящимъ о душахъ ихъ, совѣтуетъ пастырямъ церкви „инья вяжуще, связать самихъ себя благоплетенною узю любви Божія, инья рѣшающе, рѣшать злоплетенную пленицу своихъ грѣхопадений“. Всеобщее невѣжество народа было одною изъ главныхъ причинъ раскола. Епифаній, какъ ученѣйшій мужъ своего времени, болѣе другихъ сознавалъ это; и онъ убѣждаетъ священниковъ внушать на исповѣди духовнымъ дѣтямъ заботу объ устроеніи училищъ. „Пецыйся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душею елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія еже устроити училища вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣхоеъ получиши остав-

леніе“. Во второмъ словѣ Епифаній говоритъ о необходимости для церковнаго пастыря вести чистую непорочную жизнь.

Слово къ монахамъ требуетъ, чтобы монахъ въ своей жизни вполнѣ соответствовалъ идеалу подвижника. Постоянный плачь о грѣхахъ, смиреніе и воздержаніе — вотъ добродѣтели, которыя должны украшать истиннаго монаха. «Ибо, спрашиваетъ Епифаній, кому подобны тѣ монахи, которые пренебрегши душеполезнымъ воздержаніемъ, наполняютъ чрево свое вкусными явствами, и которые презрѣвши приличную для монаховъ нестяжательность, стремятся къ пріобрѣтенію тлѣнныхъ богатствъ, одеждъ и другихъ подобныхъ мірскихъ вещей для своего удовольствія, — кому подобны сіи?... Далѣе онъ совѣтуетъ монахамъ чуждаться мірскаго общества и пребывать въ безстрастіи и послушаніи.

Три слова противъ раскольниковъ написаны съ цѣлію раздумить и направить на истинный путь тѣхъ ревнителей старины, которые шли противъ исправленія богослужебныхъ книгъ и которые по этому случаю стремились отдѣлиться отъ истинной православной церкви. Въ одномъ изъ этихъ словъ проповѣдникъ, послѣ раскрытія мысли о вѣчной враждѣ діавола противъ благодатнаго царства, при изъясненіи двухъ знаменій апокалипсиса о женѣ и о змѣй, говоритъ, что жена — святая Божія церковь, а змѣй діаволь. На семи главахъ змѣя было 7 вѣнцовъ, которые означаютъ «семь главныхъ еретиковъ» (Арія, Македонія, Аполлинаріи, Несторія и другихъ). Къ нимъ относятся раскольники и мятежники настоящаго вѣка, сами отторгающіеся отъ церкви Христовой и другихъ отторгающіе. Въ этомъ же словѣ проповѣдникъ развиваетъ мысль о значеніи и важности архіереевъ и овлащенниковъ и убѣждаетъ повиноваться имъ; потому исторію защищаетъ дѣло исправленія книгъ, указывая, между прочимъ на то, что самая божественная литургія нѣсколько разъ сокращалась и исправлялась.

Гораздо интереснѣе другихъ 3-е слово противъ раскола «на пенекорники жеркви отъ лица тоя», гдѣ сама церковь говоритъ своимъ возлюбленнымъ чадамъ увѣщательное слово: «До нынѣ я терпѣла лживолаголющихъ, народно не говорила о нихъ; но молчала, ожидая ихъ обращенія и покаянія, но нынѣ зрю ихъ необращающихся, а лающихъ на

святыхъ тайства, и смущающихъ паству, и не терплю прочее, вида овчата восхищаема». Раскольники хотятъ казаться изряднѣйшими богословами и искусными сказателями сокровенныхъ тайствъ въ божественныхъ писаніяхъ, а на дѣлѣ они слѣбные невѣжды, едва письменна слагати навывшій, грамматическія же хитрости (не помяну риторскія философскія и богословскія, ими же все состоитъ божественное писаніе) ниже наченшіи вкушати. И такіе люди дерзають, по своему невѣжеству, божественныя писанія толковати, паче же развращати, облуждати и осуждати богоискусныхъ мужей славенска и греческа языка... Не хотятъ видѣть они, что не вѣра въ догматахъ исправляется, а только нѣкоторыя рѣченія, измѣненныя то неудоумнѣемъ и описками невѣжествующихъ писцовъ, то не призрѣнѣемъ и невѣжествомъ правителей типографіи, то потому, что не было у типографскаго правленія древнихъ рукописныхъ книгъ. И нынѣ такія погрѣшности по возможности исправляются въ древнихъ книгахъ... И такъ православно-россійскій народъ, не сомнися, обрѣтая въ новопечатныхъ книгахъ нѣкія перемѣны; то не суть превращанія, ниже развращенія, или ереси. Вѣруй мнѣ, матери своей... я не дамъ вамъ камня, вмѣсто хлѣба, не подамъ змію и скарпію вмѣсто рыбы". Это говоритъ человекъ, защищающій отъ невѣжественныхъ людей дѣло исправленія книгъ, которое составляло существенную потребность времени, и которому онъ самъ былъ преданъ всецѣло.

Весьма также интересно слово Епифанія о милосердіи, представляющее обширное изслѣдованіе объ этой добродѣтели, въ которомъ много глубокихъ и свѣтлыхъ мыслей. Слово раздѣляется на три бесѣды. Въ первой бесѣдѣ показывается важность и великое значеніе милосердія, во второй говорится о лицахъ, которымъ прежде всего надобно благотворить, въ третьей о необходимости учрежденія „братства, или общества милосердія“. „Милость, говоритъ Епифаній въ первомъ словѣ, есть сердечное и умное движеніе, сочувствіе нуждѣ человѣческой, выражающееся или однимъ желаніемъ помочь человеку, или дѣятельною помощію“. Вторая бесѣда научаетъ благоразумному подаванію милостыни, а не безъ разбора. „Если ты видишь просителя здороваго и не старѣвшагося и даешь ему милостыню, то самъ дѣлаешься общникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ

сбитающіеся гуляки, обманщики, какъ много таскается по улицамъ здоровыхъ женщинъ съ малыми дѣтьми, а еще болѣе дѣвицъ. Иные за деньги нанимаютъ малыхъ дѣтей и чрезъ нихъ собираютъ милостыню, а ночи проводятъ во всякомъ безчинствѣ“. Проповѣдникъ совѣтуетъ прежде всего помогать тѣмъ бѣднымъ, которые, хотя сидятъ дома и не ходятъ по улицамъ за милостынею, но которые переносятъ такую великую нужду, какой нельзя встрѣтить на улицахъ. Къ такимъ онъ относитъ іереевъ и діаконовъ, служащихъ душамъ человѣческимъ, между тѣмъ не имѣющихъ никакихъ доходовъ или имѣющихъ малыя и скудныя, — вдовъ и сиротъ, странниковъ и пришельцевъ, разорившихся отъ болѣзни, пожара, кражи и наконецъ уже просителей народныхъ. Югозападныя «братства» внушили Славинецкому мысль для призрѣнія бѣдныхъ и для устраненія безчинства составить братство или общество милосердія. Эту мысль онъ высказываетъ въ третьей части своего слова. „Дѣло милости, говоритъ онъ, тогда будетъ имѣть хорошій успѣхъ, когда многіе совокупными усиліями будутъ стараться достигать одной цѣли... Кто будетъ давать деньги, а кто помогать своимъ трудомъ. Каждое воскресенье будутъ братья сходиться для разсужденія между собою и выберутъ изъ среды своей десять распорядителей. Постоянные посѣтители будутъ приходить и извѣщать братію о человѣческихъ нуждахъ. Братія будетъ обсуждать: кому, чѣмъ и сколько помочь, смотря по надобности: инымъ бѣднымъ можно давать временное пособіе, другимъ постоянное—до самой смерти. Женщины могутъ составить свое общество милосердія и, собравши пожертвованія могутъ еженедѣльно отсылать въ главное всепріятилище“. Наконецъ Епифаній предлагаетъ устроить кассу и давать изъ нея бѣднымъ взаимны, а если много будетъ денегъ въ кассѣ, то можно давать и имущимъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ лихвы.

Внѣшній характеръ изложенія въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго соотвѣтствуетъ внутреннему характеру его мысли. Епифаній любилъ символизмъ, — подъ внѣшнимъ подражѣвалъ внутреннее; поэтому и рѣчь его была полна метафорами, не для всякаго доступными, а съ другой стороны вычурными и натянутыми. Онъ постоянно рисуетъ образы, подбираетъ метафору къ метафорѣ и въ одномъ, напр. сло-

вѣ приглашаетъ слушателей „настѣ дуневредное стволіе неправды богоизошреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердець пагубоносный волчець лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возраститъ на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украситъ благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей“. Языкъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго— чистый славянскій(*).

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ.

Происхожденіе и образованіе Симеона Полоцкаго. Его значеніе при царскомъ дворѣ. Характеръ его литературной дѣятельности вообще. Проповѣдническая дѣятельность Симеона. Сборники его поученій. Практическое направленіе его проповѣди. Языкъ. Слѣды вліянія схоластической гомилетики на проповѣдь Полоцкаго.

Послѣ Епифанія Славинецкаго самымъ виднымъ представителемъ югозападнаго образованія въ Москвѣ былъ Симеонъ Полоцкій. Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситіановичъ Полоцкій родился въ апрѣлѣ 1629 года, въ Бѣлоруссіи. Образованіе получилъ въ знаменитой кievской коллегіи и довершилъ его въ польскихъ католическихъ школахъ. Монашество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Симеона онъ принялъ въ Полоцкомъ Богоявленскомъ братскомъ училищѣ. Съ способностями живыми, съ словомъ легкимъ и свободнымъ, съ образованіемъ, удовлетворявшимъ широтѣ тогдашнихъ требованій, ему не трудно было приобрѣсти себѣ славу много свѣдущаго человѣка и блестящаго оратора. Такому человѣку тѣсно было въ сферѣ провинціальной, въ партіи угнетенной, постоянно долженствовавшей отстаивать свои права отъ нападенія поляковъ. Когда Алексѣй Михайловичъ, во время похода въ Лифляндію (1656) былъ въ Полоцкѣ, Симеонъ постарался обратить на себя его вниманіе искусно и

(*), О Епифаніи Славинецкомъ см. Тр. К. Д. Акад. 1861 г. т. 2 и 3. Опис. рук. синод. библ. отд. 11 ч. 3, № 247, стр. 199—206. Ист. р. слов. Порфирьева, стр. 551.